

ВЛАДИМИР МАТАЛАСОВ

ГОЛУБАЯ
ДЫМКА
БЫЛОГО

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА

Владимир Маталасов

**Голубая дымка былого.
Поэтическая подборка**

«Издательские решения»

Маталасов В. А.

Голубая дымка былого. Поэтическая подборка /
В. А. Маталасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743986-6

В предлагаемую читателям поэтическую подборку «Голубая дымка былого» вошли стихотворения и песенные тексты, написанные автором в разные годы и на различные темы. Это и воспоминания о днях минувших, и лирика, и афоризмы, и нечто шуточное, где-то даже и ненорматив.

ISBN 978-5-44-743986-6

© Маталасов В. А.
© Издательские решения

Содержание

ГОЛУБАЯ ДЫМКА БЫЛОГО	7
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА	7
СТИХИ	8
ЭТОЙ НОЧЬЮ	8
ТЕМНЕЕТ НЕБОСВОД	8
ПЛЫВЁМ ПО ЖИЗНИ	10
ОСЕНЬ ЛИСТЬЯ РАЗБРОСАЛА	11
ВСЁ БЕЛЫМ БЕЛО	12
Я С ПОЕЗДА СОШЁЛ	12
ЗДЕСЬ МОЯ ОБИТЕЛЬ	13
ЯРКАЯ ЗВЕЗДА	14
ПУСТЬ Я В ЭТОМ КРАЮ	14
БРЁЛ СЕБЕ СТРАННИК	15
ВОТ ЕСЛИ БЫ	16
СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА	17
Я... КРОЮ ЯМБОМ И ХОРЕЕМ	18
ОБЪЯТЫЙ ВЕЧНОСТЬЮ	18
НЕ УХОДИ	19
СНИМИТЕ ШЛЯПЫ	20
ОБОЗНАЧЬ МЕНЯ	20
МЫ ЛОВИМ КАЙФ	21
СУДЬБА	22
НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ	22
РОСА ЛИШЬ ТОЛЬКО ПАЛА	24
ПРИЗНАНИЯ НЕ ЖДУ	25
И ВСПЫХНУЛА ЗВЕЗДА	25
ПИШУ СОТИ...	26
ЧАРУЮЩАЯ НОЧЬ	26
ЕГО Я ВИДЕЛ	27
УТРО	27
ЗВЁЗДНАЯ ЭЛЕГИЯ	28
ОДИН В САДУ	29
ЗВУК АВЛОСА РАЗДАЁТСЯ	29
РАЗЛОЖУ НА СПЕКТРАЛЬНЫЕ ЛИНИИ	30
ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ	30
В ЛУЧАХ ЗАКАТА	31
ДАВАЙ, ЗАХОДИ!	31
ЭТЮД	32
ПЛАНЕТЫ БЕГ	32
ТВОИ РУКИ	33
ЛАЗУРНЫМ ПЛАМЕНЕМ	33
ВАЯЕТ ПАМЯТНИК ПОЭТ	34
МАЛЬЧИК В ПОДСОЛНУХАХ	35
НА СМЕРТЬ ЧАСОВЩИКА	36
В КРАЮ БОЖЕСТВЕННЫХ БЕРЕЁЗ	37
Я С ГОЛОВОЮ УТОНУ	37

ЛИШЬ ТОЛЬКО БИСЕРОМ	38
РАССВЕТ ЗАНЯЛСЯ	38
ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ	39
У КАРТИНЫ АБСТРАКЦИОНИСТА	40
МИНУЛИ СВЯТКИ	41
Я СОТКУ ТЕБЕ	42
УСМЕШКАМИ КАМЕННЫХ ИДОЛОВ	42
О МИШКЕ ЯПОНЧИКЕ СЛОВО ЗАМОЛВЛЮ	43
ДАЙ ЛЮДЯМ БОГ...	45
ПОД ЗВОН ХРУСТАЛЬНЫХ БОКАЛОВ	45
ЧТЯ ЗАКОНЫ АЭРОДИНАМИКИ	45
ЦЕЛУЮТ ВЕТКИ ИВЫ	46
ОНА НАГРЯНУЛА...	47
ОРГАНА ЗВУКИ	48
ФАНТОМНАЯ КОНЦЕПЦИЯ	48
ВСЁ О НЕЙ	48
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	49
ОТКРОВЕНИЕ	50
ПОСВЯЩЕНИЕ	51
МИР ПРЕКРАСЕН	52
ЖЕЛАНИЕ	52
СТЕПЬ... РАССВЕТ...	53
ШУМИТ БАЗАР	53
КУДА УХОДЯТ ПОЕЗДА	54
ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА	54
ПАДАЯ, ВСТАВАЙ	55
ДРУЗЬЯМ	55
ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ	56
ПЁТР КАПИЦА И ФИРМА «СИМЕНС-КУККЕРТ»	56
ПО МОСТОВОЙ	57
КРАЙ...	57
ДЕВОЧКА РИТА	58
МЫ ВЫШЛИ ИЗ БОЯ	58
О КРАЕУГОЛЬНОМ КАМНЕ	59
ДРУГ, ПОМНИ	59
СТАРЕНЬКИЙ АЛЬБОМ	59
ИМЕНА И СУДЬБЫ	60
ОБОРМОТ	61
АПОКАЛИПСИС	61
СПАСИБО ПОЛКЕ КНИЖНОЙ!..	63
ПО ЛОГОВУ, ЗВЕРИНОМУ!..	63
МОЙ МИЛЫЙ ДРУГ	64
АХ, ЛЕБЁДУШКА МОЯ	65
МОЯ СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ	65
ЗАТУМАНИЛО ВОКРУГ	66
ВОТ И СТРЕЛОЧНИКА БУДКА	66
БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ И ВЕРНОСТИ	68
ПО-НАД РЕЧКОЮ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Голубая дымка былого Поэтическая подборка

Владимир Анатольевич Маталасов

© Владимир Анатольевич Маталасов, 2020

ISBN 978-5-4474-3986-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛУБАЯ ДЫМКА БЫЛОГО

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА

СТИХИ

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью мне что-то не спится,
Невзначай защемило в груди,
Память давних времён в ней теснится,
От неё не сбежать, не уйти.

Каждый день в ожиданье чего-то,
Будто праздники скоро грядут,
Всё готово к ним, вот лишь забота —
Почему-то друзья не идут.

Отлетели года, отшумели,
Не сыскать вас теперь, не найти,
Мы хранили в сердцах, как умели,
Боль разлук и прощальных «прости».

Затерялись вы что ль на дорогах
Этой грешной и бренной земли,
Растворившись в житейских просторах,
Или в мир запредельный ушли.

Строчки писем коротких скупые,
К разу раз позвонит телефон,
Что имели, того не ценили,
Потеряв, сожалеем потом.

Стол накрыт и сервирован вкупе
С ожиданьем желанных гостей,
Только нет их, и знаю – не будет
В опустевшей квартире моей.

ТЕМНЕЕТ НЕБОСВОД

Темнеет небосвод, подёрнутый закатом,
И перламутр дали пылает янтарём,
Переливаясь бликом пурпурным граната,
И наземь ниспадая агатовым дождём.

На лёгкие на все, от бремени дневного
Природа, разрешившись, вздохнула, отойдя
От тяжести жары, полуденного зноя,

И бьёт ключом прохлады живительной струя.

Сапфировых небес ажурных поволока
Прикрыта серебром перистых облаков —
С каймою по краям искристой позолоты, —
Скользящих лёгкой тенью верхушками домов.

Вот облако-медведь своей мохнатой лапой
Ласкает гриву Чёрной красавицы горы,
Что стражем возлегла – иль Аргусом лохматым, —
Пред Севлюшем, под знаком блуждающей звезды.

Здесь бурных вод поток несёт с собою Тисса
И, пенясь, разбивает о вековой гранит,
Пред взором возникая вдруг призрачной Каллисто,
И змейкой извиваясь, рапсодией звучит.

То тут, то там витают преданья старины глубокой:
Здесь призрак Бене Боршо над «Канкивым» парит;
Монахов-францисканцев преследуемый орден
Гонителям жестоким проклятие вершит.

Там, в глубине подвалов, в тьме канкивских развалин,
В «колодце Капистрана» монаший гроб висит
С священными мощами на четырёх на золотых
Цепях и тайну свято от недругов хранит.

Вот в воздухе маячит лик Перени, барона,
Над графскою усадьбой и парком вековым;
На Габсбургов с укором зрит праведник казнённый —
Неустрасимый Жигмонд, с задором молодым.

Чу!.. Где-то в поднебесье далёким отголоском
Доносится до слуха с угорской стороны
Поэмы «Витязь Янош» слог с утончённым лоском,
То – Петефи, романтик лирической струны.

Вдогонку его лире шлёт музу Бейла Барток:
Он «Деревянным принцем» волшебный мир творит,
Тот, что его кумирам до упоенья сладок,
И к «пастве» благодарной душой благоволит.

То – веянье времён, что думы навевает,
Здесь дух царит особый... Но что это?.. Сирень
Мне ветви на плечо вдруг нежно опускает
И цветом осыпает окрест... Закончен день.

Природа замерла и в негу погрузилась —
Дай счастья Бог тебе Аркадия страна, —

И перлами росы волшебными умылась
И нежным, живописным твореньем ожила.

Мне мил приют полей и шелест трав душистых
Под крик перепелов и треск коростелей,
Под трели соловья дубрав широколистых
И щебет птиц в саду, журчащий как ручей.

Ещё один мазок, лишь штрих, до завершенья
Воздушного плэнера красот Карпат седых:
Уют сей сотворив, подспудно, вожаденно,
Неведомый художник чертог красы воздвиг,

Где мир благоухает, не ведая печали,
В соцветьях утопая вселенского добра,
И манит, и влечёт в сиреневые дали,
И нет им ни начала, и нет им ни конца.

ПЛЫВЁМ ПО ЖИЗНИ

Плывём по жизни словно каравеллы,
То полный штиль, то вдруг девятый вал,
К чему нам Гибралтар и Дарданеллы,
Здесь океан и небо правят бал.

Судьба порой нам дарит не цветочки,
А грозные проблески ратьер —
Посыл: «Три точки, три тире, три точки»,
Коль прокрадётся случай-флибустьер.

Пусть паруса трещат, пусть мачты стонут,
На прочность проверяя такелаж,
Пусть смерти страх в морских пучинах тонет,
Всегда будь смел и стоек экипаж.

Друзья былин, сказаний, древних мифов,
Бермудов, «синих дыр» и правых дел
Средь шхер скалистых и подводных рифов
Прокладывать фарватер – наш удел.

Наступит время, на пути до дома,
В какой-нибудь таверне «Мой кумир»
С собой прихватим по бочонку рома
И всем чертям назло закатим пир.

Романтики той дымка голубая,
Что в зыбких далях призрачных широт,

Пьём за тебя, за наш успех, родная,
За тех, кто верит, любит нас и ждёт.

ОСЕНЬ ЛИСТЬЯ РАЗБРОСАЛА

Осень листья разбросала,
Хоть сама того не знала,
Что зима уж на слуху
С красным носом и санями,
Самоваром с угольками
И порошей на снегу.

Иней светлится на лавке,
Воробей по жухлой травке
Прыг да прыг. Блудливый кот
Не спеша к нему крадётся:
Видно рыжему неймётся;
Пёс в кустах чего-то ждёт.

Шаг прохожих торопливый —
Признак осени дождливой.
Вот затеял кутерьму
Облаков промозглый ветер,
Закружил их, словно вертел,
Превратившись в чехарду.

Беломраморные своды —
Небожители погоды,
Что-то нам они сулят.
Опускаются всё ниже,
Древ верхушки нежно лижут:
Расставаться не хотят.

Это, знать, зимы примета,
Скоро ждать её привета.
Загалдели снегири;
Распушили ветви ёлки,
Их зелёные иголки
Вниз спадают до земли.

Закурлыкали, запели
Журавли в холодном небе,
Клином правильным летят,
И глазами пустыми
Окна с нишами прямыми
Сквозь завесу тьмы глядят.

ВСЁ БЕЛЫМ БЕЛО

Всё белым бело, заматают след
Вьюжные, пушистые метели,
В комнате тепло и погашен свет
Средь холодной, снежной карусели.

От камина свет отблеском луча
С кружевной заигрывает тенью,
Запах смол лесных льёт от очага
И трещат сосновые поленья.

На столе бокал белого вина,
Низко сигаретный дым стелится,
С чашечкой «Жюльен» в кресле у окна,
Вот и всё, чем сень моя светится.

За окном пурга, ветер бьёт в стекло,
И в трубе печной заводит песню,
Прошлого не жаль, на душе светло.
Отчего ж в груди теснится сердце.

Запоздалых встреч вешняя пора
Божиим знаменiem нагрянет,
Грозы отгремят, отшумят ветра
И души блаженный миг настанет.

Всё белым бело, заматают след
Вьюжные, пушистые метели,
В комнате тепло и погашен свет
Средь холодной, снежной карусели

Я С ПОЕЗДА СОШЁЛ

Я с поезда сошёл, лишь на минутку,
Но вот беда – сошёл, да опоздал,
Отстал, и растерялся не на шутку:
Позвольте, но ведь то не мой вокзал.

Бегу я за вагоном, задыхаясь,
За поручни хватаюсь что есть сил,
Но хватка уж не та, и я срываюсь,
О шпалы лбом. Привет!.. Я ваш кумир!..

«Уймись же ты! – кричат. – Ушёл твой поезд!

Ему ты – отработанный балласт!
Причал твой здесь, другого быть не может,
Давай-ка, слышишь друг, сдавай назад».

Но где же я, куда попал, о Боже,
Скажи, ужель всё это снится мне?
«Ни где-нибудь, в божественной ты ложе!», —
Вдруг прозвучало где-то в вышине.

И мир вдруг стал совсем неузнаваем,
Вокруг родня и близкие друзья,
Ж.д. составы взглядом провожаем,
Рукой им машем вслед, ну, а пока,

Уходят поезда в седые дали
За тридевять земель, в блаженный край,
Туда, где мы ни разу не бывали,
Но будем все, однажды, так и знай.

ЗДЕСЬ МОЯ ОБИТЕЛЬ

Я шагаю городом ночным;
Там, в переливающемся свете
Калейдоскопических витрин
Дремлет всё живое на планете.

Сквозь завесу зыбких облаков
Лунный свет мне под ноги стелится,
Звёздный небосвод меж крыш домов
Пеленой волнистой золотится.

Эхом тают где-то в вышине
Отголоски вечности бездонной,
Тихо истекающей извне
Жерла сути мирообновлённой.

Здесь моя обитель, здесь мой дом,
Праведных дорог хитросплетенья,
Жизнеутверждающий синдром
Дарящие мне в миг откровенья.

Мой провинциальный, небольшой
Городок – бунтующий версалец,
В вакууме кружит шар земной —
Вечный галактический скиталец.

ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

Яркая звезда на небосклоне,
Угасая, падала в ночи,
Я стоял и видел, как в безмолвье
Падала она на край земли.

Есть такое будто бы преданье:
Если в небе падает звезда,
Надо загадать своё желанье,
И оно исполнится тогда.

Говорят ещё, что в эту пору,
Где-то, в мирно спящей тишине,
Словно подчиняясь чьей-то воле,
Люди умирают на земле.

Потому, из всех своих желаний,
Я б одно, пожалуй, загадал,
Чтобы в мире, сотворённом нами,
Никогда, никто не умирал.

ПУСТЬ Я В ЭТОМ КРАЮ

Пусть я в этом краю не родился,
Не провёл здесь своих юных лет,
Но карпатских красот филигранный узор
Не могу не воспеть, как поэт.

Я сравнил бы сей край с самоцветом,
Что играет в сиянье лучей,
С чудесами, что в сказках творятся порой
С мановенья руки добрых фей.

Его солнце – что жемчуг бесценный,
Его небо – морей синева;
Ширь бескрайних полей и зелёных лугов,
Ты для песен судьбой рождена.

Здесь высокие дикие горы,
Что подвластны лишь буйным ветрам,
Ввысь уносят армады зелёных лесов
И приносят их в дар облакам.

И когда меня спросят порою

О Карпатах, отвечу тогда:
«Я подобного края ещё не встречал,
Где б столь щедрой природа была».

Я за то пред тобой преклоняюсь,
Что краса твоя – явь, а не сон.
Так прими же привет от российской земли —
Из земных – самый низкий поклон.

БРЁЛ СЕБЕ СТРАННИК

Брёл себе странник дорогою длинною
В рваном, убогом убранстве. В руке
Посох, сума чрез плечо перекинута,
Кудри младецкие на голове
Иссиня-чёрные, ленточкой взятые,
Кротость в глазах, на устах – благовест.
Зной предполуденный, ширь необъятная,
Пение птиц голосистых окрест.

Видит ходок мужичка, свежесрезанных
Жёрдочек гору. В такую жару,
Мил человек, вопрошал, чем же занят ты?
Людам дорогу мощу я к добру
Сими жердями. А ты уж, как водится,
Ноги – не кремь, присядь, отдохни,
Вот под раскидистой этой берёзкою,
Да и с отшельником поговори.

И потекла тут беседа пространная
Неторопливым журчаньем ручья,
Слово да за слово. Время желанное
Уж на исходе. Прости, брат, пора,
Мне за работу свою снова взяться бы,
Молвил отшельник. Скиталец гласил,
Были слова ваши лицеприятными,
Дай-то вам Боже терпенья и сил!

Дальше идёт миром вечным, незыблемым,
Вновь на пути чей-то образ возник:
Розовощёкий, не в меру упитанный,
Знатного роду, вестимо, мужик.
Весь за работою, потом подёрнутый.
Косточек горы. В такую жару,
Мил человек, вопрошал, чем же занят ты?
В рай себе тропку костями мощу.

Или не видишь? Ступай себе далее,
Некогда лясы точить мне с тобой,
Молвил детина, а путник в усталости
Путь свой продолжил, качнув головой.
Солнце в зените, жара несусветная,
Воздух колеблет палящий эфир
Без дуновения, проникновения
В благопристойный, сияющий мир.

Скоро ли, долго ли странствовал по миру
Вечный скиталец, приблизился срок,
И возвращался он пыльной дорогою
Старцем седым, в свой заветный чертог.
И на обратном пути, так уж сталося,
Той же сторонкою он проходил,
Где блудный отрок, без сна, без усталости,
В рай себе тропку костями мостил.

Что же он видит? Там топь непролазная,
Крики, проклятья и стоны людей,
Вопли, стенания. В том мироздании
Песен своих не поёт соловей.
Звуки, в груди от волненья теснимые,
Гнали скитальца от гиблых тех мест
Прочь. Предстоящею встречей томимые,
Мысли влекли предначертанный крест.

Шествует дальше ходок неприкаянный
Вот уж которые сутки подряд.
Что ж вдруг он видит? Края благодатные,
В буйном цветении сказочный сад.
Вспомнил тут странник седого отшельника,
Как тот точал, выбиваясь из сил,
Как из жердинок, тогда, свежесрезанных,
Людам дорогу к добру он мостил.

Песнь жаворонка лугами проносится,
С веток акации – трель соловья
Нежной усладой звучит, и полощется
Зыбь водяного, живого ключа.
Коль этот край на пути тебе встретится,
Путник усталый, присядь, отдохни,
Богоугодного вспомни отшельника
И добрым словом его помяни.

ВОТ ЕСЛИ БЫ

Вот если бы найти черту, что отделяет нас от вечности,
И отодвинуть бы её как можно дальше от себя,
То совершенствовался б мир до беспредельной бесконечности
Глубин причинности мирской в пределах рамок бытия.

И торжество познания, лишь только разуму присущего,
Рождает всплеск престиссимо, чтоб мыслью быстротечною
Преобладать над скоростью течения начал грядущего
Путём послевоздействия величиной конечною.

Мы движемся недвижимо в пространства формы облачённые,
На ощупь продвигаемся, пульс жизни явно чувствуя,
Вторгаясь космофункцией в пределы неопределённые,
Что зиждется на опыте, ему во всём сопутствуя.

Мир многогранный многолик, он в область тайных
сфер вторгается,
Где нет нас, в то же время есть тройное преломление
В объёме линз пространственных: там время гравииискажается
На временных участках форм, без видоизменения.

Блуждаем тенью зыбкою в координатах мы пространственных,
Где место есть великому, где место есть ничтожному,
То исчезая призраком средь эфемерных действ убранственных,
То возрождаясь Фениксом по смыслу непреложному.

По счёту по глобальному – мы есть-нас нет, и тем всё сказано,
Мы самоустрояемся сквозь призму неизвестности;
Нас – полное отсутствие там, где Его перстом указано,
И полное излишество в присутствии суетности.

За круга квадратурой ни зги не видно: зреть не велено;
Летим в неё безропотно с фронтальным ускорением,
Не в состоянье будучи дознаться сколько ж нам отмерено
В координатах призрачных скитаться пред забвением.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Там, на приморском бульваре,
Где кипарисы цветут,
Встретил Серёжка девушку Варю
В стайке весёлых подруг.

Встретил, и тут же влюбился
В смуглого свежесть лица,
В чёрные брови, в косы, в ресницы,
И в голубые глаза.

Взгляды их, лишь на мгновенье,
Вспыхнули светом зари,
Но только оба, в миг откровенья,
Мимо друг друга прошли.

То лишь случайная встреча
В жизни мальчишки была:
Сколько их будет!.. И загоралась
В небе ночная звезда.

Я... КРОЮ ЯМБОМ И ХОРЕЕМ

Я шестистопным крою ямбом и хореем,
Затем сопфической строфою и рондо,
Бью пятисложником по разным логаядам,
Гекзаметром стелюсь – мне всё одно.

И буриме просодией на вольный стих ложится,
Верлибр в секстину с тропом целится стопой,
Вот перевертень с дактилем резвится,
С версифицированным метром и строкой.

Струится монорим и моностих с арузом,
Рефрен с пеоном впендрились в спондей,
И белый стих округлился арбузом,
В четверостишье превратившись поскорей.

И силлабо-тонический партаксис на трохее
Всё метит в сильно-слабые места,
Чтоб влезть на стихотворном на размере
На пьедестал пьеты и кой-куда.

Переакцентуация двустипа вершится,
И слог на рифму прётся, напролом,
Да будет стих! Да пусть в глазах двоится!
И я вершу, чтоб сделать ход конём.

ОБЪЯТЫЙ ВЕЧНОСТЬЮ

Объятый вечностью и времени подвластный,
Стою на тонкой разделительной черте
Двух бесконечностей, одной ногою в прошлом,
Другой – где будущности контуры не прочны,

Где хода мыслям быстротечным нет:
Разброд в них полный, без созвучья и согласия.
Цветастых точек, линий ломаных узор,
И вереница лиц давно забытых в одночасье,
Родных до боли, что волнуют и туманят взор.

Чересполосье в крапинку туманною завесой
Прикрыто, словно легковесною вуалью.
Спиралью сказочной и вычурно-белесой,
Закрученную призрачным повесой
Былых времён, вонзаюсь вертикалью
В метафизическую, жидкую среду.

Я отболел своё, я отстрадал душою;
Глас неба призывает, я к нему лечу.
Когда умру – ничто не вечно под луною, —
Перекрести меня, потом задуй свечу.

Игра воображения в цветах калейдоскопа:
Мелькание событий, образов, фигур,
Чередование их в лучах гелиотропа,
То в нём порядок, то сплошной сумбур.

Вдруг вспышка, с чёрной точкой посредине,
Растёт она сквозь булькающий зуммер,
Перекрывая свет, его уж нет впомяне.
Черным-черно. Легко мне. Всё! Я умер!

НЕ УХОДИ

Не уходи, я всё прощу —
Измен жестокие уроки,
Несправедливые упрёки,
Мне всё равно, я не ропщу.

В груди моей огонь любви
Пылает пламенной страстью,
Звездой немеркнувшей в ненастье,
Святым обетом «на крови».

Душа моя тобой болит,
Щемит и плачет и рыдает,
Надежды миг предвосхищает.
Пусть ангел твой тебя хранит!

СНИМИТЕ ШЛЯПЫ

Снимите шляпы перед мыслью, господа,
Пред высшей точкой иерархии достоинств;
В изысканных манерах и тонах
Склоните головы свои, свершая поиск
В сусеках памяти одной из ипостасей,
Созвучной только формуле Вселенной
И логике всепоглощающих начал,
Её константы унитарно-неизменной.

Предпочитаемое издревле главенство
Субстанции эфирной, невесомой,
Предполагает вектор совершенства,
Что миром правит в общности искомой.

Откуда поле, источаемое еле
На вид невзрачным, блеклым, серым веществом,
Берётся, нам неведомо доселе,
И трансформируется, формой влеком.

Нам дарит мысль минуты откровенья,
Возносит к дальним, неизведанным мирам
В кратчайший миг, в одно мгновенье,
Иль ниц бросает вдруг к своим стопам.

А посему по полной застегнитесь,
Поправьте галстук новый, лацкан пиджака,
Расслабьтесь внутренне и внешне соберитесь!
Снимите шляпы перед мыслью, господа!

ОБОЗНАЧЬ МЕНЯ

Обозначь меня тонкой линией,
Лёгким пёрышком, дуновением,
Звёздной россыпью, белым инеем,
Тихим шёпотом, откровением.

Всё что в силах дать, я тебе отдам:
Зори вешние, ночи ясные,
Плеск воды речной, пенье соловья,
Шум листвы дубров, ночи страстные.

Я давно твоя наречённая,
И судьбой навек мы повязаны,

Тихим ангелом, не прощённой,
Над тобой кружить мне заказано.

Перламутровой поволокою,
Словно тонкою паутиною
Прикрываю суть потаённую
Тайны вечного мироздания.

Тонко чувствуя мысль изящную,
Подсознанием изощрённую,
Вдруг коснусь крылом проходящего
Мимо, знанием испещрённого.

Принимай меня уж такой, как есть,
Не глумись, не шей ниткой белой,
Я природа есьмь, ты же – человек,
Гомосапиенс, покровитель мой.

МЫ ЛОВИМ КАЙФ

Мы ловим кайф, вдыхая фимиам
Благочестивейших порывов совершенства;
Здесь электрическая ночь,
и электрические искры там,
Где вороха любви и благоденства.

Из недр из городских в ночной туман,
Клокочущим вулканом низвергаясь,
Бьёт шума, лязга, скрежета фонтан,
По тверди плоской с шумом расползаясь.

Пурпурные зарницы полыхают
В блуждающих потёмках мироздания,
И призрачные блики излучают
Огни Святого Эльма. Зазеркалья
Космического предначертан путь:
Сжимается во времени пространство
Из «чёрных дыр», и звёздное убранство.

Процесс пошёл, его уж не вернуть
Назад. На электроны и частицы
Элементарные поделен будет мир,
Всё в вакуум вселенский погрузится
И в гравитационный элексир.

Мы станем огнедышащею плазмой,
Мы в точку атомную схлопнемся опять,

Чтобы взорваться в многовекторном пространстве
В мгновенье, и всё заново начать.

СУДЬБА

Как истина бывает непреложной,
Так должно утверждаться без сомненья,
Нет в жизни ничего достойней,
Чем к цели праведной стремленье.

Нам вечно где-то что-то не хватает,
Совсем чуть-чуть, в преддверье суеты,
И призрачное счастье догоняя,
Хватаемся за поручни судьбы,
Которую мы сами выбираем
Порой бездумно, легковесно, без нужды,
Взамен же в результате получаем
Щелчки, пинки, ушибы, синяки.

Винить себя в том надо непременно
За леность мысли, злу непротивленье,
За равнодушие спрятавшись скабрёзно,
Во имя душ людских раскрепощенья.

Греха в том нет, коль где-то оступился,
Была бы лишь на месте голова.
Узрев свою ошибку, повинился,
И – так держать, вперёд, на все века!

«Нам свыше уготован путь великий!», —
Не уставайте непрестанно повторять,
Чтоб в жизни скоротечной, многоликой
Всегда во всём вы были бы на «ять».

Тебе поём судьба, наш просветитель,
Уклад сей жизни многовековой,
Тебе – обожествлённая обитель
И тайный кладёзь мудрости людской

НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ

За храма мироздания углом
нас поджидает девственная Вечность:
Её мы дети. От рождения билет
нам всем в неё заранее заказан,

Там встретимся, всем скопом, как один
на времени не глядя быстротечность.

Но встреча эта что-то нам сулит —
бессмертье душ, иль что ещё? Не знаем!

В пространственные формы облачаясь
причинности и временные рамки,
Летим мы в Вечность, на галактик зов,
в холодную, седую неизвестность,
Выстраиваясь дружно в очердность,
предписанную свыше. Спозаранку
Бросаемся в объятия Вселенной.

Не глядя ни на что, и даже на её разбежность,
На то, что где-то на задворках мира,
в его безбрежных, дальних закоулках,
Пронизывая звёздных путь скоплений,
стрелою мчимся где «Корабль Арго»
С его Кормою, Килем, Парусами
и Компасом в космических проулках
Давно уж поджидают непременно,
чтоб к Магеллановым привзнести нас Облакам,
В Тукана твердь и Рыбы Золотой.

Аэролит, свершивший астроблему,
Каприччо жизни микрокосму он пророчит
безотлагательно; живой ретроспективой
Нам философию небытия вещает,
не обойдя любого стороною.

И в созидующее, высшее начало
вдруг окунаемся мы всею головою,
Чтоб жить, мечтать, надеяться и верить,
любить безмерной, праведной любовью,
Чтоб всюду попевать. Но вот не станет
всех нас; пройдут, промчатся годы,
Столетий вереница, цепь тысячелетий,
Земля всё так же будет коловертить
До той поры, пока не поглотит
её коллапс коллизии вселенской.

Ну а покуда где-то в подсознание
на «деус эксо махина» мы ставим,
В Пьер-Сен-Мартен стремглав давно летим
на встречу с распрекрасною Каллисто.
И факел свой Гефест рукой затушит
в преддверии волны «фата моргана»,
И Мнемосина вдруг покинет нас

на веки вечные, с душой сообразуясь.

РОСА ЛИШЬ ТОЛЬКО ПАЛА

Роса лишь только пала на траву,
Твой пенюар мелькнул и скрылся в перголе
Средь тишины в черешневом саду
Воздушным, лёгким отраженьем в зеркале.

Портшез, и жардиньерки по бокам,
И багатель меж древ в сплетенье паутин,
Искристого шампанского бокал
На минипьяно в свете звёздных серпантин.

В запястье ожерелья фермуар
Холодным серебром в пространство источает,
Твой взор пленительный – природы щедрый дар, —
Мне сладострастный миг блаженства предвещает.

И тонких пальцев вычурность сквозит
В их пассах и изысканных движениях,
Касаньем клавиш слух благоволит
Усладой тронуть, словно в ярких сновиденьях.

Узоров разноцветные штрихи —
Небес, – вплетаются в туманную завесу,
Витают стайками здесь пригоршни любви,
Справляя все незатейливую мессу.

Из веток тёмных сотканный багет
Вмиг тенью кружевной ложится на траву
Как взятый канителью трафарет
На золотистом фоне, сотворённом на лету.

Претит нам контроверза: здесь, в тиши,
Вино любви мы пьём – любви девятый вал, —
Где страсть бушует под покровом темноты,
Возвышенных речей блаженство правит бал.

И поцелуев жарких приглушённый звук
Скользит землёй, вкрапляясь в тучи-вороны,
Тебе я в утешение скажу
Слова любви, на все четыре стороны.

ПРИЗНАНИЯ НЕ ЖДУ

Признания не жду, не жду похвал,
Душой и телом, разумеется, не свят,
Но как никто надеялся, страдал,
Когда был разум мой смятением объят.

Кругом непонимания стена,
И отчуждения опущена завеса,
Нам не слышать друг друга, господя,
Меж нами вакуум и буреломы леса.

Протеста молчаливого следы
Рукою прагматичною стирал
Злой рок, покуда в девственной глуши
Мой глас в пустыне к Господу зывал.

Всё относительно, всё – суета сует,
В остатках памяти мы плаваем своей,
В них пламенным порывам места нет,
Свободолюбие утеряно страстей.

О, если б мог я выразить в словах
Итог судьбы в предвидениях вещей,
Низвергнуть был готов бы в «дантов ад»
Пороки искусителей зловещих.

Настанет время, знаю, ты придёшь
Желанных дней чудесная пора,
Крылами упоительно взмахнёшь,
Чтоб жить свободы духом, на века.

И ВСПЫХНУЛА ЗВЕЗДА

И вспыхнула звезда на небосклоне,
Звезда моей несбывшейся мечты,
Взлелеянной когда-то в самом лоне
Мятущейся и страждущей души.

Кому нужны плоды мирских дерзаний,
К деяньям что благим устремлены,
К истокам восходящие познаний
Из недр подсознания глуши.

Но день придёт, даст Бог, тогда быть может

Востребован окажется мой слог.
Да пусть же всяк потомок станет вхожим
В мой тихий, скромный творческий чертог.

ПИШУ СОТИ...

Пишу соти, без плеоназма,
И к корреляции стремлюсь,
Но к квинтэссенции маразма
Я непристойно отношусь.

Ни Арион я, ни Овидий,
И не приверженец расстриг,
Не жажду я, друзья, субсидий —
Ноумен вдруг меня настиг.

Прочь эготизм из кельи сердца,
Что был труверам лишь присущ,
Я вам клянусь волнами Герца —
В антиципации сведущ.

И мадригала лапидарность
Присуща духу моему,
И кантус-фирмус ламинарность
Мне не перечит посему.

Ну, и фацеция с трюизмом
Мне тоже, впрочем, не претит,
Мне гадов ляпсус с конформизмом,
Я не фискал, не неофит.

И Понт эвксинский мне под силу
Могучим взглядом обозреть
Подстать святому Гавриилу:
Ни встать, ни лечь, ни оборзеть.

То всё секрет полишинеля,
И вне публисити притом.
Всё! Закругляюсь! Ваш Емеля!
И точку ставлю я на том.

ЧАРУЮЩАЯ НОЧЬ

Чарующая ночь, старинная беседка,
Желанная калитка, тропинка вдоль реки,

Кометы длинный шлейф и звёздная рулетка
Под сполохи далёкой, забрезжившей зари.

Сплелось всё воедино под сенью мироздания,
А в нём всего лишь двое, лишь двое – я и ты,
И слышатся в тиши слова в любви признанья
Под шелест мягкий, нежный берёзовой листвы.

Откинута вуаль, и кружев тонкий полог
На локон ниспадает в таинственной тиши,
Губ жаркий поцелуй – он искренен и долог, —
Миг истины, как эхо из неба глубины.

ЕГО Я ВИДЕЛ

Его я видел: Он спускался,
Средь поля, в вешние цветы,
Блестел, сверкал, переливался
В великолепии ночи.

На тле развергшегося неба,
Как на панно, я видел Их,
Ступали тихо и не смело
Двенадцать ликов внеземных.

И воссияло благоденство,
И снизошла вдруг благодать,
Невероятное блаженство
Пришлось в тот миг мне испытать.

Потом – провал, и всё! Рассудок
Не смог реальность воспринять,
А посему я вряд ли буду
Повествование продолжать.

Одно скажу: лет тридцать с лишним
Уж отшумело с той поры,
Но зрю поныне в том событье
Предначертание судьбы.

УТРО

Утро солнышком дышало
И росой умывалось,
В бледно-розовом тумане

Небо с радугой игралось.

Льётся песня жаворонка
Над широкими полями
Над просёлками степными,
Над зелёными лугами.

Родниковый ключ струится
Тихим пролеском. Меж сосен,
Меж вершинами курганов
Уж проглядывает осень.

ЗВЁЗДНАЯ ЭЛЕГИЯ

Тихий вечер рассыпал по небу
Мелкий бисер мерцающих звёзд,
Млечный Путь, сквозь века, Ганимеду
Дарит блеск Вероники Волос.

И контрастов ночных феерия
Хороводом созвездья кружит,
Словно добрая дева Мария
Волшебство во Вселенной вершит.

Серебром галактической пыли
Припорошен звезды яркий след,
Убегающий в дали седые,
В мир бескрайний, в мир солнц и планет.

Сквозь туманности звёздных скоплений
Космос дальний в неизвестность летит,
Это значит, без всяких сомнений,
Совершенство природа творит.

Где-то меж облаками Вселенной,
Сквозь провалы космических дыр,
В край несёмся мы благословенный,
Где струится любви эликсир.

Промелькнут миллионы столетий:
В виде элементарных частиц
Мчат мы будем безликими в сети
Молодого созвездия Спиц
Через тернии, в призрачном свете,
Чтоб материи тайну узреть.
Только межгалактический ветер
Будет песни нам вечные петь.

ОДИН В САДУ

Один в саду, воспоминаньями объятый
О днях минувших, средь берёз и тополей,
Когда-то здесь, в лучах багряного заката
Бродили мы с тобой вдоль парковых аллей.

Мы утопали в пряном запахе сирени,
В соцветьях всплесков искромётной тишины.
Был месяц май. Под звон берёзовой капли
Взахлёб мы пили чашу страсти и любви.

Где ты теперь друг мой поры той безмятежной,
Чредою стольких лет твой припорошен след.
Из глубины времён тех давних, незабвенных
Тебе я шлю свой нескончаемый привет.

ЗВУК АВЛОСА РАЗДАЁТСЯ

Звук авлоса раздаётся у излучины реки
И Эол с Велесом гонят облака-овечки,
Песню звонкую запели, заиграли пастушки
Средь елани, где стаккато щёлкают кузнечики.

Жаворонок в небе синем трелью радует весну,
Пчёлки, бабочки, стрекозы на цветках ютятся,
Вот Сварог с Перуном водят свою вечную игру —
Кто кого, — и дождик с солнцем радугой светятся.

А на радуге той Мокош в оточенье рожаниц,
И крылатые над ними вьются херувимы,
Вместе с ними, чуть пониже, взмахом праведных десниц,
В лёгком танце хороводы кружат серафимы.

И природы обаянье атараксию сулит,
В ней нашли своё начало горы-великаны,
Речка-змейка, лес, тропинка, в поднебесье что бежит,
Изваяния природы — камни-истуканы.

На пригорке невысоком, утопая весь в цветах,
Пастушок млад уместился на своей овчинке,
Смотрит вдаль из-под ладошки, как играет водопад
И узор волшебный ткёт изящной пелеринки.

Мятой пахнет, цикламеном, медоносной травой,
И былинка как тростинка вдруг не шелохнётся,
Хорос что-то там колдует своей властной рукой,
И весь мир благоухает, пляшет и смеётся.

РАЗЛОЖУ НА СПЕКТРАЛЬНЫЕ ЛИНИИ

Разложу на спектральные линии
Свою душу и мысли свои,
И на уровне их ватерлинии
Дам, один за другим, из семи,
Выстрел совестью вкупе с поступками,
По мишени «КОЖЗЭГЭСФЭ»,
Жизни пренебрегая уступками,
И как знать, что останется мне?!

Коль на уровне спектра физическом
Пропадёт хоть из линий одна,
То, согласно законам оптическим,
Чёрным белое станет тогда.

То – сигнал! Не лады, значит, с совестью:
В ней изъян!.. Лишь не дёргай чеку.
Ты на тонкой стоишь бровке пропасти!
Берегись, друг, и будь начеку.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Недолог век наш сотканный годами
В ажурный, прихотливый трафарет,
Парящий меж землёй и небесами,
А посему мой дружеский совет:
Несите людям свет своей улыбки,
Дарите им тепло своей души,
Друзей прощать умеете за ошибки,
Не преступайте подлости межи.

Не покидайте близких и любимых
В лихие дни, и да зачтётся вам
В скрижалях жизни —
призрачных, незримых,
Делитесь с ними счастьем пополам.

Храните верность свято, нерушимо
Корням своим – началу всех начал,

Душой страдать умеете во всю силу,
Любите так, чтоб мир во всю трещал.

Кто дорог вам, тому вы пожелайте
Того, чего б желали и себе,
Мечты своей большой не предавайте
И будьте благосклонными к судьбе.

Настанет час, придёт пора заката
Звезды твоей, не стоит унывать,
Все, как один уйдём, уйдём когда-то,
Чтобы, расставшись, встретиться опять.

В ЛУЧАХ ЗАКАТА

В лучах заката догорал пурпурный небосвод,
В их блеске лепестки бутонов роз дрожали,
Твой стан пленительный манил что сладкий, майский мёд,
И водопадом локоны волос на плечи ниспадали.

Обворожительный твой взгляд о тайне чувств вещал,
И профиль томный твой – изыска дыханье,
Он тонкий, нежный аромат собою источал,
К богам взывая, к небесам, к стезе благоуханья.

И влагой воздуха ночи подёрнутость ресниц,
И рдеющих ланит божественный румянец,
Всё меж собой переплелось в мелькании десниц,
И вспылал под сенью звёзд любви протуберанец.

ДАВАЙ, ЗАХОДИ!

Туч распахнутость рвётся надтреснуто,
Блики вспышек роняя во мглу
По веленью небесного деспота,
Пожелавшего зреть кутерьму:
Опрокинутость неба над крышами
В свете нимбов ночных фонарей;
Перестук межоконными нишами,
Что затеял проказник борей...

Запредельем разверзшимся дышится,
Низошедшим с провальной дали.
Глас привратника адова слышится:
«Не стесняйся! Давай, заходи!»

ЭТЮД

Калейдоскоп ночи в жемчужном ожерелье
Прочерчивает высь, наискосок, от горизонта,
Муара исчезающей полоскою
С вкраплениями цвета побежалости.

В небесный Пер-лашез с его проспекти
Мчит панпсихизм с вселенской одержимостью,
Чтоб в Эйкумену одухотворённости
Предвзятость привнести реминисценции.

Ажурные узоры кружев витиеватых
Из множества сплетений волшебных струй лазоревых
Светятся перманентно в мерцающих провалах
Адажио с аллегро, в глубинах виртуальных.

Багрянца матового тени эфемерные
Блуждают, движимые силой спонтанною,
Той, что сканирует, на уровне делирия,
Петроглифы на стеллах мироздания.

В перистальтически локальной испещрённости
Прелементарное присутствие возводится
Постнастальгии существа рудиментарного,
Что «на круги своя» к истокам возвращается.

ПЛАНЕТЫ БЕГ

Планеты бег вокруг светила
Неумолимо быстр и вечен,
Отмерен им наш век земной.
А мы коптим как лампа керосиновая
Или поджареная корка апельсиновая,
И дел всего-то, Боже мой!

Как мелочны дела людские
И мизерны в своём начале
С тем по сравнению,
Вселенной что зовётся,
Покуда где-то не взорвётся
Сверхновая мирских деяний.

И ни к чему мир умопостижений,

Подвластный лишь мыслительным процессам:
Сумбур царит в нём, хаос вожелений,
Перемежающийся всплеском озарений.

ТВОИ РУКИ

Твои руки —
Птицы крыла,
В поднебесье уносящие;
Гласа звуки —
Звуки Лиры,
Из созвездья исходящие.

Приветаяешь,
Приголубишь —
Заблужусь в лесу берёзовом;
Приласкаешь,
Поцелуешь —
Растворюсь в тумане розовом.

Утону я
В море ласки,
Непорочного деяния,
Иль умчу я
Без оглядки,
Преступив черту сознания.

ЛАЗУРНЫМ ПЛАМЕНЕМ

Лазурным пламенем светится
Душистый май в кругу берёз,
И тенью лёгкою ложится
Средь талых вод, ручьём струится
Весна – родительница грёз.

Зефиром лёгким закружилась
Вуаль ажурная небес
И в неге девственной забылась,
Зарёю алой опушилась
В тумане призрачных завес.

Благоухания блаженство
В тонах изысканных сквозит.
Их высокопреосвященство —
Природы чудной совершенство,

Мир восхитительный вершит.

Лучи небес листву лелеют
В росинках цвета хрусталя.
Цепочки гор вдали синеют,
Роз лепестки истомно млеют
В объятьях трелей соловья.

БАЯЕТ ПАМЯТНИК ПОЭТ

Памяти А. С. Пушкина посвящается.

Слегка зашторено окно,
За ним метель ворчит сердито,
Кудряшек чёрных волокно
На лоб спадающих открытый.

Перо гусиное в перстах,
Десницей тронуты ланита,
Свеча, чернильница впотьмах,
Ресницы вежд полуприкрытых.

Баяет памятник поэт
Свой дивный и нерукотворный,
Чтоб вспылал желанный свет
Над сенью мглы тропы народной.

Он всей душою уповал
На благосклонность провиденья,
Чтоб над Россией воссиял
Свободы дух и вожделенья.

Большой, могучий монолит,
Сверхмощный ум, гранита глыба,
Он вечным пламенем горит,
Звездой не меркнувшей, счастливой.

Неугасимый, яркий след
Прочерчен им на небосклоне —
Вдали от мелочных сует, —
На поэтическом амвоне.

На острие его пера
Рождался слог неповторимый,
Творящий лиры чудеса
Священной и неукротимой.

Горстями щедро рассыпал
Он гений свой, всупор гоненью,
И перлы музыки посвящал
Умов благому просвещенью.

Души и совести людской
Он не приемлел дифферента,
Свободы жажда святой,
Презрев стезю ангажемента.

И вот – завистников удел, —
Вельмож скабрёзные нападки,
Насмешек злобных беспредел:
Для свиты царской «взятки гладки».

Снести не в силах был поэт
Обид той публики плебейской,
Он к сатисфакции прибег,
И был убит рукой злодейской.

Поборник чести и добра
В своём безудержном полёте
Пал жертвой: были два крыла
Его подрезаны на взлёте.

Но вопреки судьбине злой
Не предан гений был забвенью,
И путеводною звездой
Взметнулся, воссияв над земью.

Великих помыслов и дум
Его великое стремленье
Под звездопада вечный шум
Звучит как неба откровенье.

Поэта чудный, дивный дар
Упрятан в памяти котомки,
Он полыхает как пожар,
И благодарные потомки —
Кто б ни был то —
иль стар, иль млад, —
Но рать мятежную творений
В сердцах на веки сохранят
Во благо земных поколений.

МАЛЬЧИК В ПОДСОЛНУХАХ

Затерялся мальчик в подсолнухах,
Заблудился, и рад тому,
Лепестков горсти он бросает жёлтые
Вверх, и ловит их на лету.

И смеётся солнцу и времени,
Звукам, запахам... Счастлив он!
Не подвластный житейскому бременю,
Власть свободой упоён.

Невдомёк мальчишке, неведомо,
Что и как, когда, почему.
Пусть он радуется жизни, заведомо,
Пусть!.. Не будем мешать ему...

НА СМЕРТЬ ЧАСОВЩИКА

Памяти Ковачик Юрия Михайловича

Души прекрасной был он человеком
И век прожил свой вовсе не напрасно,
Ход уточнял часов, сверяясь с веком,
И стрелки подводил, сему согласно.

Но не был отрок времени подвластен:
Часы, минуты провожая в вечность,
К земным суетам мало был причастен,
Внутрь загоня жизни быстротечность.

В глазнице линза; с скальпелем, с пинцетом
В руках, хирургом выглядел он, право,
В халате чистеньком, склонясь пред светом,
Он колдовал, и в том была отрада.

Копался он во внутренностях сложных
Систем часов и точных механизмов,
Сбирал их по частям, коль было можно,
От маленьких спасая катаклизмов.

Искусной гравировкой отличался
Часов даримых, даты проставляя...
Всего не перескажешь... Занимался
Делами он святыми, убажая
Творца, взывая звоном колокольным
К нему с вершины праведного храма;
Он праведником был и сыном Божиим,
Всевышнему душой служил исправно.

Справлял он тризны, правил панихиды,
Был крёстным разным поколениям века.
Но вот фальцетом взвизгнула пружина
И... лопнула: не стало человека!

Теперь ему поёт привольный ветер
И ветви древ клонит к упокою.
Спи, друг, спокойно! Всё на этом свете
Когда-то будет предано забвению.

В КРАЮ БОЖЕСТВЕННЫХ БЕРЁЗ

В краю божественных берёз,
Их серебристых, сладких слёз,
Пурпурный мак росой искрится.
Дрожит в тумане речки плёс,
Гладь вод зеркальная светится.

Ушло дыхание ночи,
Истома навевает сны,
Зарницы перлами сияют.
В плену звенящей тишины
Скворцы либретто сочиняют.

Зарёй пылает небосвод,
Тускнеет звёздный хоровод,
Во мглистой дымке растворяясь.
Затеял месяц праздный ход,
Игрой с рассветом забавляясь.

Простор, где небо и стрижи,
Наполнен праздником души,
Сердец цветник благоухает.
Оазис света и любви
Покой земной предвосхищает.

Я С ГОЛОВОЮ УТОНУ

Я с головою утону в глазах твоих
Бездонных, полных тайны и загадки;
В поток любви твоей бурлящей с высоты
Страстей безумных брошусь без оглядки.

Мне сладок упоительных речей

Твоих соблазн; восторженных влечений
В них дух сквозит, достойный вождений
Средь тысячи пылающих свечей.

Я птицей воспарю под облака
Надежд твоих, волнений и мечтаний,
Я морем разольюсь из ручейка
Высоких чувств и трепетных желаний.

Я дождиком весенним обернусь,
Я стану твоей призрачною тенью,
В тебе я без остатка растворюсь
И пропаду, без слов, без сожаленья.

ЛИШЬ ТОЛЬКО БИСЕРОМ

Лишь только бисером созвездья заискрились,
Вмиг ризы сумерек вечерних опустились
На самый край земли.

Камеей облака
тускнеют,
выгнувшись.
Лежит твоя рука
На подлокотнике скамьи, и пряди локон
На бархатистые ланита в свете окон,
Спадают.

Гибкий стан
твой ласково манит
Своей нетронутостью;
сколько в нём сквозит
Дыханья свежести, изящества движений,
Порывов страстных, безмятежных вождений.

Под бахромой ресниц
бездонных глаз твоих
Светится робкий луч
намерений благих.

РАССВЕТ ЗАНЯЛСЯ

Рассвет занялся мелкой дрожью,
Ночь напролёт
Туман скользит по бездорожью,

Чего-то ждёт.

Светится маревом прозрачным
Кометы шлейф,
Венцом изысканно-изящным
Ложится в дрейф.

Зарницы луч как откровенье
Благих небес,
Лишь показался на мгновенье
И вдруг исчез.

Приобретая очертанья,
Синеет бор,
И спит в плену его молчанья
Ветвей узор.

Как бриллианты в диадеме,
Горит восток,
В струях лазоревой капли —
Тепла поток.

Весь мир звучанием полнится
Равнин седых
И нежным полотном стелится
У ног твоих.

Мне сладок миг прикосновенья
К устам твоим,
Он дарит радость откровенья
Лишь нам двоим.

Любви блаженной, окрылённой,
В пучину лет,
Стезёю одухотворённой
Идём во след.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ

Остановись, мгновенье, дай налюбоваться
Весны величием в роскошных одеяньях,
Её восторженностью в радужных сияньях,
Дыханьем свежести под звуки тишины.

Душистый май златит в предутреннем тумане
Вершины гор. Занялся хладной, мелкой дрожью
Рассвет, роняя тени к самому подножью

Ущелий диких из небесной синевы.

Кисейным пологом багряно-золотистым
Фиалы древ рукой невидимой покрыты,
И епанчёю, изумрудами расшитой,
Стелится даль в лазурных отблесках зари.

Глядят майоликой цветущие равнины,
Долин и гор седых томительная нега
Объята звуками волшебной кампанеллы
В тиши таинственной, ликующей поры.

Душицы запахами полнятся просторы —
Их лёгкий, призрачный зефир не потревожит, —
Здесь соловей – счастливый баловень природы,
Любовник розы, упоительно поёт.

Лучи взошедшего светила, словно струны,
Весну мелодией одарят, только тронешь,
И тут же в звуках очарованный утонешь,
Как мотылёк в хрустальных капельках росы.

Сплетенья зарослей, что цвета аметиста,
Глядятся жупелом сердитым и мохнатым
Под низким облачком белёсым и лохматым,
Слегка взъерошенным вершиною горы.

Здесь вдохновенье должно черпать несомненно
В полёте мысли, воспаряющей сквозь годы,
И мир, увенчанный изяществом природы,
Порывом сладостным твой разум наградит.

У КАРТИНЫ АБСТРАКЦИОНИСТА

Жемчужные опалы облаков
Нанизаны на солнца златы нити
В причудливом сплетении тонов,
Сияя диадемой Нефертити.

Гирлянд полупрозрачных серпантин
Из дымчатых колец в дрожащем свете
Кружит, роняя цвет аквамарин,
Как шар хрустальный в ультрафиолете.

Стеклянный куб в небесной синеве
Волшебным отражением играет
Зеркальных граней, призраком, извне,

Возникнет вдруг, и снова исчезает.

Цилиндра ось пронизана лучом
И конус у вершины пирамиды,
Сквозь призму возникают миражом
«Висячие сады» Семирамиды.

Воздушная, ажурная спираль,
Что соткана из нежных самоцветов,
Меня с собой уносит в синь и даль,
Оставив без вопросов и ответов.

МИНУЛИ СВЯТКИ

Минули святки,
канул в Лету
день Крещенья,
А на дворе
морозов жгучих
нет, как нет,
Мир погружён
в струю
природы обновления,
И шлёт весне каплейю
свой дружеский привет.

Ужель весна спешит
к нам
в край сей благодатный,
Иль то природы лишь
коварные забавы?
Теплом пахнуло.

Небосвод белесо-ватный
Роняет блики
на проталины и травы.

Дрожаньем воздуха
и свежестью дыханья
Полнятся блёстками
искрящиеся дали,
На всём лежит печать
стеzi благоуханья
Рисунком сказочным
божественной вуали.

Я СОТКУ ТЕБЕ

Я сотку тебе из солнечных лучей
Восхитительной, небесной красоты
Платье. Только знай, что нет любви сильнее,
Чем моя! Я ухвачусь за хвост звезды,
Что летит, и притяну её к себе,
И созвездьем к твоим локонам волос
Приколю, и подарю тебе кольцо
Из волшебных галактических полос.

УСМЕШКАМИ КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Усмешками каменных идолов
Глубины веков насмежаются
Над жизнью людской, быстротечною —
С её суетой и проблемами, —
Порою впустую растраченной.

Законам космическим следуя,
Несёмся в пространстве и времени
Под знаком всеобщей причинности,
В полях мировой гравитации
Влекомые «чёрными дырами».

Путь звёздный парсеками меряя,
Коллапсам вселенским подвержены,
Подвластны мы лишь Провидению,
И будем, случись апокалипсис,
Как дети беспомощны малые.

Ведь нет ничего в мире вечного:
Настанет день «икс», и в мгновение
Мы в пыль превратимся, безропотно,
На уровне ядерно-атомном,
Блуждая в межзвёздных скоплениях.

И нет ничего в этом странного —
Законам физическим Кеплера
Природа Вселенной последует,
И где-то в глуши мироздания
Возникнут другие сообщества
Намного умней и изящнее
Земного, так несовершенного.

Во всём будут мир да согласие —
Согласно «Космическим правилам», —
В цветущей стране благоденствия,
Где каждый мудрей будет внутренне,
Греховным делам не подверженный,
О ближнем радеть и любить его
Сочтёт за свою он обязанность...

Да будет блажен тот, кто верует!

О МИШКЕ ЯПОНЧИКЕ СЛОВО ЗАМОЛВЛЮ

Двадцатый век. Начало. Смута, смерть, разруха,
И беспредел повсюду шлёт своих гонцов.
На волю выпорхнули – надо ж, вот везуха, —
Из клеток царских стаи «керенских птенцов».

Средь них был Мойше-Яков Вольфович, налётчик,
С фамильей – Винницкий, большой оригинал.
По полицейским сводкам шёл он как Япончик.
Он не крошил батон, к тому ж пургу не гнал.

Откат от «вышки» по прикиду без отключки,
Гоп-стоп – оттянутый отстой на вираже,
Он всем пижонам, без халявы, делал ручки,
Но без напряжения, провансаль блин, бланманже.

Для урканов с одесской, правильной малины
Он был «наставник и отцовский поводЫрь»,
К тому ж, для полной завершающей картины,
Был Аль Капоне против Мишки суций хмырь.

Поставил на уши он всю Одессу-маму,
Стеною шла тогда Пересыпь на Фонтан,
А Лонжерон пророчил Молдаванке драму,
И брал на понт всех фрайеров большой кичман.

Овёс не сыпал, керосин на штукатурку
Не лил, не гнул камыш и брёвна не катил,
И порожняк не гнал, спроси любого урку,
Он всем «стрелу забить»*, в натуре, предложил...

И можно было в подворотне ночью тёмной
В те дни лихие, когда шёл крутой разбор,
Услышать, в общем, совершенно неподъёмный
Такой, примерно, джентльментский разговор:

«Ах, здрасьте вам, мадам! Я дико извиняюсь!..»
«Пардон! Вы что-то там имели мне сказать?»
«Начто вам гАмбель** тот? Браслетик ваш, признАюсь,
Мне по-душе! Прошу комод вас не ломать!»

«Зачем мне «голову беременную делать? «***!
Ты что-то вЯкнул там, дешёвка? Дай откат!
В менЕ шевелится всё! Если знаешь бегать,
Беги, сучок, туда, куда глаза глядят.

Подумать можно, что менЕ вы напугали!
Вы начинаете мне нравиться****, месье!
Вот всё расскажет Циля***** Мишке, чтоб вы знали,
Отправит рвать ботву вас к Дюку Ришелье».

«Слуга покорный ваш, мадам! Вас умоляю!
Откуда ж знать, что вам Япончик – протежЕ!
Ах, извините! Всё, мон шер! Я испаряюсь!»
«Давно бы так! Адъё! Моё вам «силь ву пле»!..

На Дерибасовской, в Порту и на Привозе
Он был грозой; игОрный клуб румынский брал,
И Майсман с Лейтманом почить успели в бозе,
Гольдштейну с Лейтманом устроил он аврал.

А Гепнер с Ланцбергом, с княгиней Любомирской
Подверглись шмону, вместе с ними – Айзенберг, —
«Большие люди» всё, закалки кирасирской,
Но каждый был из них, скажу вам – бизнес-клерк.

С Котовским знался он, с Утёсовым, с Якиром,
Во всех он ракурсах искусство обожал,
Шаляпин был его возвышенным кумиром,
А вот Петлюре он под зад пинка давал.

Но что-то с контрой этой у него не вышло:
Вся разбежалася братва, ни дать ни взять.
Он до Одессы дёру дал – ни в хвост ни в дышло, —
Но пойман был, смекнув, век воли не видать.

И отвернулись от Мойше даже бОги:
Его поставил к стенке красный военком.
Отпетый кАнтором хоральной синагоги —
С Миньковским Пиней, – был Япончик погребён.

Пусть не морочат головЫ мне фарисеи,
Писал, как мог, но всё ж признАюсь – как-нибудь.
Лишь одного желаю Матушке-Рассеи —
Не приведи Господь, чтоб вспять всё повернуть.

-
- * «стрелу забить» – созвать сходку «воров в законе»;
 - ** гамбель – нож к горлу;
 - *** «голову беременную делать» – просьба оставить в покое;
 - **** «вы начинаете мне нравиться» – вы мне начинаете надоедать;
 - ***** Циля – имя невесты Мишки Япончика.

ДАЙ ЛЮДЯМ БОГ...

Дай людям Бог согласия и добра,
Дай мира, дай хоть чуточку надежды
На лучшее. Ни злата-серебра
Ведь просим мы, ни царские одежды.

Ты сделай так, никто чтоб не страдал,
Не был обманутым, не знал ни зла, ни горя;
Чтобы друг другу каждый ближе стал,
Как две волны соседствующих моря;
Чтоб лени с завистью нас червь не источал...

Дай веры, мудрости имущим и просящим,
Любви большой – начала всех начал,
И нам, совсем чуть-чуть, оставь, творящим!

ПОД ЗВОН ХРУСТАЛЬНЫХ БОКАЛОВ

Под звон хрустальных бокалов,
В преддверье вечерней зари,
Во тьму небесных провалов
Летят заверенья в любви.

И где-то, там, пропадая
В отрогах безмолвных широт,
Надежды луч посылают
В созвездья вселенских высот.

Как вспышка дальней сверхновой
Твой лик предо мною возник,
Мелькнул на мгновенье, и снова
Бесследно исчез в тот же миг.

ЧТЯ ЗАКОНЫ АЭРОДИНАМИКИ

Чтя законы Аэродинамики,
На предельно низком КПД
Мчусь, согласно правилам механики,
С диким треском, как ПуВРД*.

Создаёт потоки турбулентные
Мой несовершенный фюзеляж —
И другие, им эквивалентные, —
Наводя воздушный макияж.

Лонжероны-стрингеры с обшивкою —
То плоды народной «ляпоты»,
Крылья с элеронами-закрылками,
И рули, конечно, высоты.

Растопырив воздухозаборники,
След инверсионный позади
Оставляю. Шустро пляшут «дворники»,
«Шимми» жмёт переднее шасси.

К некой «этажерке» я лечу своей,
Флаттером забористым крою.
Вот она!.. И тут же попадаю к ней
Прямо в ламинарную струю.

Встретившись, всё продифференцировав,
Мы в едином мнении сошлись,
А затем, всё то проинтегрировав,
В дали голубые унеслись...

* ПуВРД – пульсирующий воздушно-реактивный двигатель

ЦЕЛУЮТ ВЕТКИ ИВЫ

Целуют ветки ивы отшельницу звезду,
И стайки облаков белесая завеса
Причудливые тени роняет на траву,
Приглаживая нежно верхушки кромки леса.

Узоры кружевные соткала гладь реки
Из купы лилий белых, что в заводи ютится,
И хороводит месяц под музыку ночи,
И горизонта даль вся заревом светится.

Заколобродил ветер в лазоревых ветвях,
Затеял кутерьму, запел, закуролесил.
В провалах облаков дрожит Чумацкий Шлях,

Приветно озаряя околицы и веси.

ОНА НАГРЯНУЛА...

Она нагринула как вешняя гроза,
Как вспышка молнии, нежданно-нежданно,
В лице эфирно-внеземного существа,
Вот так, внезапно, без причин, как то не странно.

То был какой-то сон волшебный наяву,
Я воспарял душою, в мыслях воскрелясь,
Искал её следы, как Шерлок, на снегу,
Нахальным образом в покой её внедряясь.

Любовь та, первая, была «из-за угла»,
На расстояньи в общем, скрытная такая,
В мои одиннадцать... Ну как она могла
Не замечать меня – такая-рассякая!

Я даже как-то раз письмо ей написал,
Люблю, мол дескать вас (по Пушкину), и – баста!
Но то письмо втихую некто прочитал
И предал вмиг его общественной огласке.

Да-а, было дело, братцы, были времена,
Страдал я тихо, молча глядя исподбровья,
И где-то тайно раздобыв стакан вина,
Его я хряпнул, враз, за Олино здоровье...

Потом ремень отцовский был... Всему финал!..
Скрывать не стану, по тылам и закоулкам
Он залихватски, этак с присвистом, гулял,
А я орал во всю, увесисто и гулко...

Немало лет уж отшумело с той поры,
А мне всё чудятся её кудряшки локон,
И безответной той последствия любви,
Что вышли мне тогда, совсем немножко, боком.

И так как некому теперь пороть меня,
И создавать цветной букет душевных трещин,
Я поднимаю, смело, свой бокал вина
За Олю-девочку, за наших милых женщин!!!

ОРГАНА ЗВУКИ

Органа звуки заполняли свод костёла,
Клубился ладан в бликах пламени свечей
Знаменьем высшего небесного престола
В такт губ дрожанью ваших, трепету бровей
Под тонким кружевом опущенной вуали.

Казалось, где-то колокольчик мелодичный
Слегка позванивал в такт мессе на хорах
Пред алтарём, и словно ангел фееричный
В полуприкрытых ваших возникал глазах,
Вдруг исчезая в глубине вселенской дали.

ФАНТОМНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

(шутка)

Фантомная концепция дуальной квинтэссенции
Витральной корреляции в спонтанный ряд Фурье
Локально инвертируется полем дивергенции
На плоскость биполярную Ван-Граафа, в пси-волне.

Дискретный вектор Пойнтинга скалярного акцептора
О грань перцептуальную синхронно резонирует,
Спинально-осциллирующий конус полусектора
Дисперсией фронтальной лавинно коллапсирует.

Спиралью архимедовой, как субортогональной,
Пространственная линия декартовых полей,
Буффально проецируясь на quadroаномальную
Систему, левитирует на уровне осей.

P.S.

Друзья! Подобным «умностям», прошу, не удивляйтесь,
Всем вам моих, уверен в том, понятен мыслей ход.
Дерзайте, фантазируйте и... присоединяйтесь!
Вперёд! И буду очень рад, что в чём-то вам помог.

ВСЁ О НЕЙ

О ней написаны обширные трактаты
И испокон веков полемики ведутся,

Перерастая в бесконечные дебаты...

К чему всё то? Есть вещи, что не поддаются
Ни логике, ни разуму, ни умозаключениям.

Ведь первая любовь – это когда
Весь шар земной вам хочется обнять
и крикнуть во всю глотку: «Я люблю-ю!»;
Захватывает дух и перехватывает надолго дыхание;
Весь мир в ярчайших красках предстаёт
цветных пред вами вдруг;
Плохое всё – обиды и невзгоды, —
исчезают, напрочь,
пребывая вне сознания.

Одна лишь только мысль – осмыслить и понять
всю правомерность ваших чувств, —
Вам кажется кощунственно-враждебной,
И говорите вы себе: «Люблю, и – всё тут! Пусть
горит всё синим пламенем и кувырком
летит к чертям собачьим!».

Для существа любимого готов ты в воду и в огонь,
Готов на всё, как Дон-Кихот, как рыцарь тот
без страха и упрёка;
Непостижимое вершится таинство, что чувству
святому, светлому и чистому возможно уподобить,
Наилегчайшему, волшебному зефиру,
способному вдруг в бурю превратиться,
Иль мощному разряду грозовому,
иль вспышке галактической «сверхновой».

Из сверхъестественного области то чувство
Седьмым назвать бы должно, где в его основе
Шестое чувство, что из сферы подсознания,
Лежит... Любите! Да и будете любимы!!!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Чресполосица штрих-пунктирная,
Изнутри позолотой взятая,
По краям филигрань ювелирная
В тихих сполохах небом сжатая.

Разноцветный поток нисходящийся
Бахромою, рождает дрожание
Нитей радужных, хладом искрящихся.

Это – Северное Сияние!

МОЙ САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Самым ярким, счастливейшим днём моим был —
День, когда вдруг однажды родился,
А явившись на свет, глазенапы раскрыл,
И ни мало тому удивился.

Как-то сразу не в силах был сообразить
Что к чему, в памперс нехотя дую,
А освоившись, ножками начал сучить,
И подумал: «А ну, зареву я!»

Заревел!.. Заорал словно тот паровоз,
Что в коммуне была остановка,
Но решил вдруг: «К чему мне кобыла и воз,
Баба с коего!» Как-то неловко
Стало мне, стыдно очень, ну прям невтерпёж,
Надо ж было случиться такому.
Где-то там, во-внутрях, надорвался крепёж,
И... сходил я, по счёту большому.

«Ай мале-е-ец! – размышлял. – Ай да я, сукин сын!
Всполошил всех, замаял, замучил!»
А потом, мелкой дробью, ну надо же, блин,
Под конец, свод палаты озвучил.

И легко как-то стало, и радостно мне —
Мать честная будь трижды здорова! —
Зря и бдя, где-то там у меня в голове,
Промелькнуло: «Коза – не корова!»

А под вечер явился какой-то чужак
И назвал меня Вовой-сынишкой,
Кулачком ему тут же заехал в «чердак»,
Чтоб скорее бежал за сберкнижкой...

Слава мне!.. Мама счастлива!.. Счастлив и я!..
Мне, ступившему в мир сей ногою,
Благодарна должна быть планета Земля,
Что её осчастливил собою!!!

ОТКРОВЕНИЕ

(шутка)

Вечер... Тихо сгущаются сумерки;
Небо что-то вдруг распоганилось;
Заржавевший карниз подоконника
Бьёт о плинтус чечёткой в три четверти.

В эту пору гриппозно-простудную
Тучи съёжились, как-то сбундючившись,
Лишь одна из них, вдруг заартачившись,
Повергает мой разум в уныние.

Залетай, не стесняйся, погреемся
У холодного у радиатора;
Не хмурись – и тебе место сыщется
Не такой прохиндей я законченный.

Распоясавшись, скину жилетку я,
Рукава от неё, и подштанники;
Неумытый, небритый, распатланный,
Лишь в носках и рубашке остануся.

К небу длани воздев, брякнушь прямо в кровать:
Чёрту в глаз эту всю пертурбацию.
Маясь негой истомной в прокрустовом ложе,
Молча, тихо впадаю в прострацию.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Двор старинный. Санька с Колькой там в войну играют.
Знают все, что оба друга – «не разлей вода».
Коль обидит кто, за друга тут же друг вступается,
Если вдруг набедокурят... Взбучка?.. Не беда-а!..

«Интерес» у них был общий – это уж как водится, —
Неприступная девчушка с длинною косой.
Сомневаться в смелости мальчишек не приходится,
Но при ней теряли оба внутренний покой.

Школа, первый класс, звонок и – первая учительница,
Первые учебники, и парта на двоих,
А на первой – та девчушка, круглая отличница.
Ноль внимания?.. Гордя-ячка!.. То всё не для них!

Лето. Лагерь пионерский. Ночь костром взвивается.
«Здравствуй милая картошка!», – в воздухе висит,
Год из года. Всё когда-то, видимо, кончается —
Детство, школа... Что ж ребятам будущность сулит?

Выпускной! Звонок прощальный —
душ молодых чистилище.
«Ты куда?». «Я? На журфак! – девчонка говорит. —
Ну а вы куда?». «Мы с Санькой в ВДВ-училище!».
«Что ж! Ни пуха ни пера! Пусть вас Господь хранит!»...

«Слышь, Колян! Прикрой! Я мигом... Там —
батяня раненный».
Шквал огня... Санёк комбата тащит на себе.
Вдруг – упал... Спешит на помощь,
пулей продырявленный
Колька: вынес, сам оставшись на сырой на земле...

«Здравствуй, Сань! – вдруг за спиною.
– А я к вам, наведаться».
«Катя?... Сколько ж лет и зим! Ну, здравствуй! Как дела?»
«Не сложились!.. Перед Колей мне бы исповедаться:
Ведь любила, только знать гордыня подвела».

Над кладбищенской могилкой шелест трав таинственный.
Осень. Тихо опадают кроны тополей.
«Я с тобою, – Санька шепчет, —
друг ты мой единственный!»
И плывут на юг, курлыча, клинья журавлей.

МИР ПРЕКРАСЕН

Много ль смертному в жизни сей надобно!
Мир прекрасен! Живи, не тужи!
Улыбнись, вдруг, неожиданно-негаданно,
Над землёй к облакам воспарь.

Блажь откинь, оттянись и возрадуйся,
Что ещё один день свыше дан.
На судьбу на свою зря не жалуйся,
В запасник свой возьми «Каро-Кан».

Есть сегодня, а завтра – тем более,
Знай себе лишь – живи и твори,
Надели мир счастливою долею,
На пьету разум свой водвори.

ЖЕЛАНИЕ

Мне бы лишь всего один, плацкартный —

Я вернусь назад, не обману, —
Да такой, особый, нестандартный, —
В детства благодатную страну,
Где пока все живы и здоровы,
Где беспечность хлещет через край,
Где любить друг друга все готовы,
Где царит один шалтай-балтай.

Мне б на них взглянуть, хоть на минутку,
И слегка притронуться рукой,
А потом, приняв как чью-то шутку,
Снова, в настоящее – домой!

СТЕПЬ... РАССВЕТ...

Степь... Рассвет... Тишина... Запах гари и трав
В синей дымке. Жужжанье шмеля.
Приглушённая речь. Бьёт металл о металл
Тихим клацаньем, души садня.

Отрепённость. Напряг. Тянет крепкой махрой.
К горизонту прикованный взор.
Звёзд тускнеющих полог над головой.
Сыпет гравий: вернулся дозор.

Свет ракеты шипящей в преддверии дня,
Всё внутри охлаждающий как лёд...
Первый залп огневой. Всё!.. За ним – шквал огня.
Прозвучало: «В атаку! Вперёд!»

ШУМИТ БАЗАР

Шумит базар, воскресный день,
Здесь всяк субъект, кому не лень,
Спешит, чтоб отовариться конкретно.
Мелькает лиц знакомых сонм,
Галдёж и дым стоят кругом,
И продавцы вам улыбаются приветно.

Чего тут только не найдёшь:
Ковёр персидский, злату брошь,
Аксессуары, редьку, сельдь, хомут и миску,
Здесь овощ, ягоды и фрукт,
И всяко-всяческий продукт,
И вам стараются всучить хреновую редиску.

Для счастья полного свистка
Мне только не хватает.
В карман свой... Хвать!.. Нет кошелька!..
Кто спёр?.. А кто го знает!

Махнул рукой... Пришёл домой,
Укрылся одеялом.
Всё! В монастырь! Судьбы иной
Не надо мне задаром.

КУДА УХОДЯТ ПОЕЗДА

Куда уходят поезда
былых несбывшихся мечтаний,
Не состоявшихся надежд
и не свершившихся желаний?
Туда, пожалуй, где нас нет —
пока что, —
в призрачные дали,
Где есть на вся и всё ответ,
где нет тоски и нет печали.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Времён витиеватость неизбежна.
То – аксиома, древняя, как мир.
Она спонтанна, в корне, и безбрежна.
Ей не подвластен умственный визир.

Событий ход, увы, непредсказуем,
И жизнь вся наша – «суета сует».
Коль мысль напярчь себя не обязуем,
«Вам грабли в лоб!» – звучит. И весь ответ.

Да будет так! Но всё ж таки мы – люди:
Им свойственен превратностей удел.
Тут не до истин на библейском блюде,
Хотя всему на свете свой предел...

Мы жили, как могли, без «виртуала»,
Без «эксклюзива», разных «паутин».
Романтики нас дымка обнимала,
Манил к себе костров таёжных дым.

Здесь физику всупор был каждый лирик,
Здесь лик Булата с Визбором витал.
Экспромтом вдруг рождался панегирик,
Во всю свободы дух торжествовал.

Мы верили, мечтали и любили,
Прокладывали в дали звёздный путь,
По жизни сто дорог исколесили,
И не в чем нас потомкам упрекнуть...

Брикетный чай покрепче мы заварим,
Усядемся плотнее в тесный круг,
Как прежде. Тихо песенку затянем,
В карман запрятав вечный недосуг.

Пошлём, куда подальше, всё плохое,
Хорошее – оставим про запас,
Ведь жизнь прекрасна, как ничто иное.
Мы из эСэСэСэР! И в том весь сказ!

ПАДАЯ, ВСТАВАЙ

Падая, вставай,
пусть даже в кровь лицо,
Если даже в грязь,
вставай и не ропщи.
Стисни зубы, друг,
судьбе своей назло.
Всё в мире преходяще,
Поверь!
Встань —
и иди!

ДРУЗЬЯМ

Собрались мы... Немного было нас,
Раз-два, как говорится, и – обчёлся,
Но что то были, право, за друзья —
Мал золотник, да дорог: им прошёлся
Тот сонм по струнам страждущей души,
Что жаждет и страдает и смеётся,
Слова признанья рвутся изнутри:
Да пусть судьба Вам благосклонно улыбнётся!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Друг мой сердечный! В кои веки
С тобою виделась, скажи!
Ведь до сих пор души сусеки
Воспоминаньями полны
О днях минувших, незабвенных,
В седую даль ушедших лет,
Тех лет далёких, сокровенных:
То вправду ль было или нет?!

Всё было – доброе и злое,
Но это – жизнь, как не крути,
Жаль, предсказать никто не может
Нам всех превратностей судьбы.

За всё тебе, друг мой, спасибо —
Уж не сочти сего за лесть, —
За всё, что будет и что было,
За то, что ты на свете есть.

А коли что не так и случилось,
То не серчай друг, не брани
Меня – ну что уж нам осталось, —
И лихом, брат, не помяни!

ПЁТР КАПИЦА И ФИРМА «СИМЕНС-КУККЕРТ»

Проконсультировать однажды попросила
Петра Капицу как-то фирма «Сименс-Куккерт» —
У них, у крупной, важной очень уж машины
Электродвигатель работать отказался, —
Пообещав в награду десять тысяч марок.

Пётр Леонидович машину обошёл ту,
Всю осмотрел, взял молоток, ну, а потом уж
По коренному им подшипнику как ахнет,
Прицельно этак, с нашим «здорово живёте»,
Мотор на радость «Сименс-Куккерт» заработал.

Всё очень просто! Только хитрой этой фирме
Таких большущих денег стало очень жалко,
И попросила тут она Петра Капицу
На ту удачно проведённую работу
Собственноручно калькуляцию составить.

Как джентльмен он этой фирме не перечил,
Но так составил калькуляцию, что всё же
Тот гонорар пришлось ей выплатить Капице.

А написал он в ней всего-то пару строчек:
«За молотка удар – одна всего лишь марка,
За то что знал кудА ударить – остальное!»

ПО МОСТОВОЙ

По мостовой шагал мужчина
В пенсне и с портфелем в руках
Держался он весьма солидно,
Но было видно, дело – швах.

Завидев дом, шаги прибавил,
Нырнул за угол вождеден,
Но долго ждать себя заставил
И... чародейкой взят был в плен.

Хоть велика ты роль соблазна,
Терпенью всякому – кранты!
Интеллигент тот, сообразно,
Сухим не вышел из воды.

КРАЙ...

Край тополино-берёзовый,
Край до конца неизведанный,
Дарящий миг откровения,
Вдруг светотенями памяти
Вспыхнет, мелькнув чресполосицей
В дальних глубинах сознания.

Край васильково-ромашковый,
Компасом жизни отмеченный,
Струнами неба вознесшийся
К дивным рассветам малиновым,
Флёром серебристым подёрнутым,
Грезится в снах упоительных..

Край соловьиный, восторженный —
Праздник души восхитительный, —
К первоистокам начал своих

Узкой тропой потаённую
Вновь возвращаюсь, чтоб встретиться
С детством своим заблудившимся.

Край, что самарской сторонкою
Зван, люб взахлёб, до беспамятства.
Лёгкою тенью причудливой
Тонкою струйкой живительной
Вдруг обернусь, иль окутаюсь
Дымкою призрачной прошлого.

ДЕВОЧКА РИТА

В два этажа коммуналка. Балкон.
Там, в глубине его, девочка Рита.
Бойко звучит её аккордеон.
«Брызги шампанского»,
«Ночь», «Компарсита».

Ближе к перилам ступает она,
Лик вдохновенной улыбкой сияет,
Ну, а напротив, внизу – пацанва
Вмиг про дворовый футбол забывает.

Рты – в растопырку, враспашку – глаза,
Уши – вразлёт, вся и всем восхищаясь.
Девочка Рита творит чудеса,
Клавиш едва регистровых касаясь.

Боже! Как счастливы были тогда
Мы – бесшабашного племени-рода, —
Дружбой повязанная детвора
Первого, послевоенного года...

Ночью приснилось: в простом неглиже
Девочка Рита, с седой головою,
Та, что жила на втором этаже,
Издали мне помахала рукою.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ БОЯ

Мы вышли из боя. Разорван был круг.
Пот градом. В пыли. Сердца яростный стук.
Пропахшие порохом. Нерв, что струна.
Ни чёрт был не страшен, ни сам сатана.

Удар был неожиданным. Он был – штыковой.
Прорвались. Все живы. «Ребята! Отбой!»...
А в небе мерцающих звёзд хоровод.
В ночи растворился десантников взвод.

О КРАЕУГОЛЬНОМ КАМНЕ

Где те края, где те углы
Того большого камня?
Искал упорно, но – увы!
Уйдя в сень мироздания,
Лишь только так осмыслить смог:
Его существование
Придумать разум нам помог
Поступкам в оправдание.

ДРУГ, ПОМНИ

Друг, помни, ты – мишень
на линии огня,
Под чётко выверенным,
снайперским прицелом.
Да будет крепче
твоей совести броня!
Не стоит делать, брат,
стерню своим уделом.

Лёт быстрый времени —
«парфянская стрела»,
Магистр возмездия,
что метит прямо в сердце,
Бьёт наповал. Не дрогнешь,
честь тебе, хвала,
А нет, уйди, и за собой
захлопни дверцу.

СТАРЕНЬКИЙ АЛЬБОМ

Заснежило пути-дороги выюжными метелями,
Соткал мороз на окнах дивный, вычурный узор.
В трубе каминной «ухает» вселенскими качелями,
Ни зги не видно на дворе, куда б не кинул взор.

Впотьмах листаю старенький альбом, потёртый временем,
И в лабиринтах памяти блуждаю наяву.
Имён и судеб прошлого отягощённый бременем,
На что-то всё ещё надеюсь, всё чего-то жду.

Годами припорошенные фото пожелтевшие,
В них всё, что сердцу дорого, исчезло, без следа —
И вереницы образов и будни отшумевшие
Времён навеки канувших неведомо куда.

Сюжеты штрих-пунктирные, как звёздные скопления,
Дрожат в телесных пустошах, касаясь струн души.
На снимках старых ФЭДовских ловлю судьбы мгновения,
Не более, не менее... Вот блин!.. Хоть свет туши!

Здесь лица всё знакомые – весёлые и грустные,
Смешные и серьёзные, родные и друзья,
Места до боли близкие, всё больше – захолустные...
Ну, всё!.. Вхожу в режим прокачки полузабытья...

То было или не было, кто знает... Может чудятся
Просторы за последним «геркулесовым столбом»...
«Ну вот и всё! – шепчу себе. – Что было, не забудется!»
И нежно прижимаю к сердцу старенький альбом.

ИМЕНА И СУДЬБЫ

За каждым из имён стоит судьба,
А за судьбой стоит сам человек,
И жизнь его есть вечная борьба
За место под Луной. Из века в век
Их очень много – судеб и имён.
Нам первые никто не выбирал,
Вторые – прихоть нравов и времён,
Всё вместе – то Всевышнего астрал.

Без яблока ни Ева, ни Адам
Не дали б нам порочной ДНК,
А там... и Казанова... Здравьете вам!..
(Ему б под зад приличного пинка).

И-и-...заветвилось древо, занялось
Соцветиями судеб и имён,
От А до Я, и к небу вознеслось,
Пусть знают кто есть «ху», и что почём.

Кто б ни был ты, ты – случая дитя
С неподотчётной имени судьбой:
Владеть бы миром мне – Владимир я, —
Но мир меня обходит стороной.

Я кое-что имею вам сказать:
Судьба моя не пафосный гламур,
Пусть и Владимир, всё ж, ядрёна мать,
От жизни той в башке сплошной сумбур.

Меня груз славы не отягощал,
Хоть в голове один эпистоляр,
«Не без царя» в последней, я б сказал,
Ведь не биндюжник я и не фигляр.

Судьба и имя – врозь! И весь ответ!
Тандем их, знать, подобие тому,
Как мухи, что отдельны от котлет,
И потому я на судьбы педали жму.

ОБОРМОТ

Стоит у парапета обормот —
Лохматый,
маленький, —
и пряники жуёт.
Всё дочиста умяв,
кулёк на землю бросил.
«Хочу ещё!» —
он громко загундосил.

«А ну-ка,
быстренько,
пострел!
Где наши ножки?
Давай-ка подберём!» —
ему сказал.
Мальчонка,
отряхнув свои ладошки,
За маму спрятавшись,
мне кукиш показал

АПОКАЛИПСИС

Глубь высот вспышкой молнии взялась,

Обнажив беспросветную хлябь.
Штрих-пунктиром промозглость пронзалась,
Порождая небесную рябь.

Ледяною, колючей шрапнелью
Разрядился трёхмерный простор
Вкупе с чёрного цвета капелью,
Завершившей природный декор.

Задрожав, ходуном заходила
Под ногами зыбучая твердь,
И в мгновенье одно обнажила
Огнедышащих жерл круговерть.

В диких судорогах изошёлся
Планетарной оси дифферент
И корою земною прошёлся
Под проклятий аккомпанемент.

Жуткий треск по Вселенной промчался,
Недра вспучились, горы круша,
То, зная, демон в аду взбунтовался,
Своим мертвенным хладом дыша.

В колебания мерной системы
Жан Бернара Леона Фуко
Погрузились Земли астроблемы,
Воды, суша, земное ядро.

Под пронзительный скрежет и грохот
Шлёт Вселенная смерти гонца,
И зловещий, раскатистый рокот
Предвещает начало конца.

Шлёт истошные вопли и крики
Неживое с живым в пустоту,
Что в агонии бьются безлики,
В мир иной преступая черту.

Жар с огнём заменились на мерзлость
И стенанья уже не слышны,
Мировое пространство разверзлось,
Поглощая осколки Земли...

Плазмой тленной, межзвёздною пылью
В бездне вечности будем блуждать
В тщетном поиске гавани тихой
И покоя мирского не зная.

СПАСИБО ПОЛКЕ КНИЖНОЙ!..

С лет незапамятных, в багете прихотливым,
В глухом простенке полка книжная стоит,
Напоминанием о времени счастливом,
И тайну памяти ушедшего хранит.

Её, в пять ярусов, из жёрдочек и реек,
В сороковых отец однажды смастерил,
Морилкой, лаком, что по двадцать пять копеек,
Он нежно, кисточкой, рукой своею крыл...

С тех пор немало полка книг перевидала —
Джек Лондон, Грин, Жюль Верн, Фейхтвангер, Пастернак,
О. Генри, Купер Фенимор, Толстой, Беляев,
Ильф и Петров, Корней Чуковский и Маршак,
Долгушин Юрий, Корольков, Сервантес, Чехов,
Владимир Обручев, Катаев, Конан Дойл...
То всё друзья мои, без копий и доспехов,
С душой распахнутой и светлой головой.

Мы вместе воды океанов бороздили,
Мы в их пучины погружались; к небесам
В мир звёздный чаянья и помыслы стремили,
Несли к Ассоль, подвластны алым парусам.

Сажали смело космолёт на астероид,
Бурили скважину сверлом к ядру Земли,
Искали гаринский фантом-гиперболоид
И вечный бой со злом без устали вели.

Нас странствий дали необъятные манили,
Влекла к свершеньям путеводная звезда.
Мечтали мы, смеялись, верили, любили,
Страдали молча, ненавидели врага...

Коль ты читающий «без страха и упрёка»,
Ты, без сомненья, настоящий Вавилон.
Скажи, явившись из далёкого далёка,
Спасибо полке книжной!.. Низкий ей поклон!

ПО ЛОГОВУ, ЗВЕРИНОМУ!..

«По логову, звериному!.. По кумполу Рейхстага!..
Прямой наводкой, мать его!.. Огонь!.. Гад, получай!»

Сквозь клубы дыма, шквал огня стяг штурмового флага
Взметнулся над Германией в победный первомай.

На Кёнигсплац – в Кроль-опера и в здании гестапо, —
Жестокий бой. Грань «жизнь иль смерть»
бойцом превзойдена.
Мнёт под себя врага стрелковый семьдесят девятый
Последний бой. Рывок, и... Всё!.. Будь проклята, война!..

Фашист капитулировал на утро дня второго,
Что лично оберстгруппенфюрер Йодль подтвердил.
В ночь на девятое – Карлсхорст,
в нём акт подписан снова:
Союзнички!.. Ну где же всю войну вас чёрт носил?..

Прописаны навечно в землях Трептов и Тиргартен,
Шёнхольце – батальоны, роты, взводы и полки,
Что фрицам не позволили переиначить карты
Планеты круглой и российской матушки-земли.

Так выпьем же за дедов, за отцов, за ветеранов,
За жён их, матерей, за вдов, за тех, кто пал в бою,
Кто замерзал в снегах под Брянском и под Сталинградом,
За Ленинград блокадный, за Великую Страну.

МОЙ МИЛЫЙ ДРУГ

Мой милый друг, мой ангел во-спасенье,
Моя звезда, мой алый свет зари,
Тебя люблю, поверь мне, до забвенья,
Ты для меня – надежды и мечты.

И пусть судьба порой нас не ласкает,
И хлещут нас ненастные дожди,
Но от того любовь не увядает,
И мне легко, когда со мною ты.

Дай руку мне родная, и – в дорогу,
Умчим с тобою вместе в синь и даль,
Обнявшись, как два облака. Ей богу,
Ну что нам все невзгоды и печаль.

Да будут дни твои благословенны,
Мне так порой нужны слова твои,
И тёплых, нежных рук прикосновение.
Прости меня, за всё меня прости!

АХ, ЛЕБЁДУШКА МОЯ

Жизнь раздольную, а с ней дорогу дальнюю
Мне цыганка нагадала по руке,
Два колечка – золотые, обручальные
По сиреневой, ромашковой весне.

Ах, лебёдушка моя ты несравненная,
В васильковом небе тают облака,
Ты красой своею необыкновенная
Дай обнять и нежно приласкать тебя.

И когда в своих нарядах полушалковых
Мчишь навстречу мне, не чувствуя земли,
Дымкой призрачной в глазах твоих фиалковых
Растворяется тепло моей любви.

Проворкуй, голубка, мне слова приветные,
А за прошлое – не надо, – не брани,
Прошепчи свои желания заветные.
В веки вечные, Господь тебя храни!

МОЯ СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Тир. Кольца. Брусья. Стометровка.
Турник. Прыжки через «коня»...
Во всю кипела подготовка,
Во всём нужна была сноровка:
К БГТО стремился я.

И достремился – чесн слово, —
Значок в усердиях добыл,
Потом за дело взялся снова
И ГТО, что и не ново,
К нему я присовокупил.

Прерогатива коррективы
Меня швырнула в ДОСААФ
Через штакетник перспективы,
Оставив без альтернативы,
Под зад коленкою поддав.

К спорт. достижениям привычен,
Вкусив плодов победных рать,
Решил: «Уж коль я необычен,

И от других весьма отличен,
Зачем кому-то там мешать!»

Поставив точку в этом деле,
С ним, как бы, взял и... завязал.
И всё ж, хоть еле-еле в теле,
Горжусь наградами доселе,
И духа не подрастерял.

Совет таков: «Займись-ка спортом,
Неважно – стар ты или млад.
Будь весел, бодр, отдайся шортам,
Не увлекайся слишком тортом,
Переключись на шоколад».

ЗАТУМАНИЛО ВОКРУГ

Затуманило вокруг, заохлодило,
Льёт луна на рощу тусклый, блеклый свет,
И ни сколько мне не жаль всего, что было,
Мне не жаль моих беспутных прошлых лет.

Ты не стой, как прежде, в мамином платочке,
В тихий вечер у раскидистой ветлы,
Было время, были ягоды-цветочки,
Были ноченьки не тёмны, не светлы.

Ты не прячь глаза, когда проходишь мимо,
И не хмурь бровей – всё былью порастёт,
Перетрётся, перемелется, вестимо,
И растает без следа, как вешний лёд.

Я давно уже не тот, ты это знаешь,
Понапрасну старых ран не бережи,
Что умчалось без следа, уж не поймаешь,
А не так коль что-то было, то – прости!
Затуманило вокруг, заохлодило,
Льёт луна на рощу тусклый, блеклый свет.
Ах как жаль всего что было и не было,
Жаль мне, что тебя со мною рядом нет.

ВОТ И СТРЕЛОЧНИКА БУДКА

Вот и стрелочника будка,
Полустанок в три избы,

Машинист, лишь на минутку,
Будь так добр, притормози.

В уголок заветный детства,
Из-за тридевять земель,
Я вернулся наконец-то,
Вот такая карусель.

Здравствуй край благословенный,
Здравствуй, дай тебя обнять,
Никому душой и сердцем
Не дано тебя понять.

Я пришёл к тебе из детства
С незапамятной поры,
Снова мы с тобою вместе,
Как когда-то — я и ты.

Вдоль ромашкового поля
По тропинке я пройду,
На лужайке васильковой
В пряных травах утону.

Тёплым, лёгким дуновеньем
Над волной речной промчусь,
Окунусь в неё, и в небе
Без остатка растворюсь.

Обернусь я тучкой серой,
Стану каплями дождя,
Ранним утром в дымке белой,
Бликом первого луча.

Средь берёз, ветвей рябины
Затеряюсь, заблужусь,
В небо с трелью соловьиной
Песней звонкою взовьюсь.

А пока на полустанке
Мне всё чудится в тиши
Звонкий наигрыш тальянки,
Замирающий вдали.

Окружён вишнёвым садом,
Я стою у полотна,
И в обнимку с детством, взглядом,
Провожая поезда.

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ И ВЕРНОСТИ

В одном дворе, в старинном переулке,
Что весь тонул в сиреновом цвету,
Ютился домик в самом закоулке
В два этажа, с мансардой наверху.

А в доме том Андрюшка жил вихрастый
С овчаркой Стрелкой, маленьким щенком,
Счастливей их, чем он и зверь ушастый,
Никто, пожалуй, не был в мире том.

Когда её в забавах обнимая,
Он говорил: «Подруженька моя!»,
Она хвостом от радости виляя,
На целый двор скулила, как могла.

И видел двор, и видели соседи,
Как даже тот, что каждый день хмельной,
Всегда угрюмый дворник дядя Федя,
Им вслед махал приветливо рукой.

И оба друга были неразлучны,
Где был один, туда спешил другой,
Судьбы иной им не желалось лучшей.
Ну что была за дружба, Боже мой!

Кровей не тех, без почестей, без званий,
В упрёк бросал какой-нибудь пижон,
В ответ звучало: «То, что без регалий,
Уж как-нибудь мы с ней переживём».

А дни летели, множась на недели,
Промчался год, за ним прошёл другой,
Уже давно два друга повзрослели,
И майский сад шумел своей листвою.

Была она грозою хулиганов,
Крутым щитом для местной детворы,
Своих друзей, от лиха отвращая,
Она не раз спасала от беды.

Но вот прошла пора забав ребячьих,
Серьёзных дел настали времена.
Окончен курс премудростей собачьих,
Как вдруг назавтра грянула война.

И встали в строй два друга спозаранку,
Чтоб гнать врага с поруганной земли.
По всем статьям как «истребитель танков»,
Андрей со Стрелкой оба в паре шли.

И сразу – в бой. Вдали стальная свора
Ползла, стеною залпами огня,
Земля стонала от беды и горя.
Смертельным грузом Стрелка снабжена:
Закон войны! И в том её жестокость,
Не уточняет – стар ты или млад,
Переступил свою черту – и в пропасть
Летишь на крыльях сквозь крошечный ад.

И вот всё ближе, ближе вражья стая,
Уже в ста метрах главная броня.
Хотелось жить! И бремя расставанья
Легло тяжёлой ношей на бойца.

Дай на прощанье лапу, и до боли
Дай обниму тебя в последний раз.
Слеза из глаз скатилась у обоих,
И тут же дал он ей команду: «Фас!»

И через бруствер, с пылом искромётным,
Стрелой помчалась Стрелка на врага,
Была, однако, залпом пулемётным
На полдороге изрешечена.

Тут пелена застлала взор Андрюшки,
Он, стиснув зубы и сомкнув глаза,
Вдруг из окопа бросился к подружке,
А та была пока ещё жива.

Он подхватил, сердечную, на руки,
К её ушам прижав свою щеку.
Прости-прощай!, сказал сквозь грома звуки,
И вместе с ней метнулся под броню.

Под лязг и скрежет вражьего металла
Их на мгновение встретились глаза.
Ещё рывок! И всё! Друзей не стало!
Их души вмиг взметнулись в небеса...

Давно уж нет старинного проулка,
И дома в нём, что был в два этажа,
Там мир иной, там весело и гулко
Гоняет мяч другая детвора.

А где смертельный бой гремел когда-то,
Там, подчиняясь веянью времён,
Растёт ковыль и пряно пахнет мята,
Зарёй подёрнут синий небосклон.

Но до сих пор, с времён поры жестокой,
Глядят на нас с небесной высоты,
Из глубины далёкого далёка,
Глаза друзей, глаза большой войны.

ПО-НАД РЕЧКОЮ

По-над речкою стёжкой крутой,
Вдоль зелёного гая,
Мчал наездника конь вороной
Из далёкого края.

Вот молодчик коня осадил
Под пушистой ветлюю,
И склонялися две головы
Над студёной водою.

Что-то вдруг промелькнуло вдали
Средь равнины пологой,
И возник в отраженьи воды
Лик цыганки убогой.

Хриплый голос промолвил: «Постой!
Дай всю правду открою:
Мчишься ты за своею судьбой,
А она пред тобою.

От меня не сбежишь, не уйдёшь,
Сам порою не знаешь,
Где ты счастье своё подберёшь,
Где его растеряешь.

Трое суток «аллюр три креста»,
Ты с седла не слезаешь,
Променяешь судьбу на коня,
И себя потеряешь».

Прочь с дороги, наездник сказал,
Что? Нагайки не знала?
Злобной искрой блеснули глаза,
И цыганка пропала.

Мчал наездника что было сил
Конь три дня и три ночи.
Показалась станица вдали.
Где ж вы девичьи очи?!

Вороной вдруг убавил свой бег,
Лишь завидев девицу;
Та сияла, как утренний свет,
Цвета ночи ресницы.

Им платочком махнула она,
Вожделеньем пылая,
Бровь дугой, с поволокой глаза —
Синь озёрного края.

Конь вдруг уши свои наострил,
Дрожью мелкой покрылся,
А наездник с седла соскочил
И к нему обратился:
«Верный друг ты мой конь вороной,
Что поник головою?!
Только пуля, да острый клинок
Разлучат нас с тобою».

«Ты б обнял меня что ли, казак,
Твой скакун на постое
Третий лишний. Прошу, сделай так,
Чтобы нас стало двое».

И наездник, свершая свой рок,
Блеском стали сверкая,
В сердце друга всадил свой клинок,
Сам того не желая.

Оглянулся, а лик уж исчез,
Только ветер, да грохот.
Из развергшихся громом небес
Дикий слышался хохот.

Затуманился взор молодца,
В голове помутилось,
Враз клинком он ударил себя,
Сердце больше не билось.

А казачка в ту пору с крыльца
Всю картину узрела,
И стрелой до милого дружка
Вся в слезах полетела.

Подбежала, и нет больше дел
К тем, кого так любила,
И предвидя свой горький удел,
Вмиг себя порешила.

Хриплый хохот всё нёсся вдали
Над молодыми телами,
На устах их застыл крик души,
Свет померк пред глазами.

Только ветер кружил и свистал
В клубах пыли и дыма,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.